

5. Степанов Е. Современный русский моностих и однострочная поэзия [Электронный ресурс] / Е. Степанов // Дети Ра. – 2009. – № 9. – Режим доступа: <http://reading-hall.ru/contents.php?id=46>.
6. Урбан А. Образ Анны Ахматовой / А. Урбан // Звезда. – 1989. – № 6 – С.8-18.

К. В. Попова,
Россия, Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф.н., профессор Г.П. Козубовская

ЭПИСТОЛЯРИЙ Н.В. ГОГОЛЯ: МОТИВ МОДЫ

Письма Н.В. Гоголя – область почти не исследованная в гоголеведении. Разработка теоретических основ эпистолярия в изменившейся научной парадигме дает возможность рассматривать письма не как материал для реконструкции биографии писателя, а как «текст культуры», формирующийся мотивами, образными формулами, архетипами и т.д.

Гоголь был необыкновенно внимателен к моде, о чем свидетельствуют и его письма, и произведения; интерес к моде объясняется интересом Гоголя к человеку – главному предмету его наблюдений.

Мотив моды в творчестве Гоголя недостаточно разработан; существует лишь несколько работ, преимущественно последних лет, посвященных интерпретации костюма [13; 4].

О щегольстве молодого Гоголя, недавно приехавшего в Петербург с Украины, писали современники, в том числе и С.Т. Аксаков: «В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой. У нас остались портреты, изображающие его в тогдашнем виде, подаренные впоследствии Константину самим Гоголем» [1]. Д.С. Мережковский, находя в гоголевской манере одеваться проявление его личности («У Гоголя даже в этой мелочи, в неумении одеваться, обнаруживается основная черта всей его личности – дисгармония, противоречие. Щегольство дурного вкуса» [8, с. 257]), ссылается на очевидцев: «Одежда его...представляла резкую противоположность щегольства и неряшества. Зимой 1830 г., когда он узнавал, какой модный цвет фраков и галстуков, он вместе с тем до такой степени обносился, что “нижнего белья у него не было ни одной штуки”, по собственному признанию. Однажды, несмотря на свою крайнюю зябкость, всю зиму “отхватал в летней шинели”» [8, с. 257]. Утверждали, что Гоголь бывал у модных парикмахеров и что он завивал волосы. Усами своими он также занимался немало. «В заботе человека об одежде сказывается любовь и уважение к своему телу» – так интерпретирует гоголевское отношение к моде Д.С. Мережковский [8, с. 257].

Щегольство Гоголя специфично, оно выражалось, как отмечают современники, в пестроте костюма: «Вдруг явится к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете... бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное, даже спрячет воротничок рубашки... а на другой день опять безо всякой причины, явится в платье ярких цветов... развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит именинником» [2, с. 480]. То же в воспоминаниях А.О. Смирновой: «В воскресенье он пил кофий с нами и приходил в полном параде, в светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговицами и в темном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе» [10, с. 467]. В истории моды с сороковых годов «пестрота» в мужской одежде считается признаком дурного вкуса, и все многоцветье отдается дамским нарядам [9]. «Странный костюм» Гоголя, в котором он предстал перед С.Т. Аксаковым (Гоголь, скрываясь от гостей, уединился), напоминает плюшкинский: «...Передо мной стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме: вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спенсер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор морденок...» [1; 12, с. 102]. А жилет Гоголя («На нем был гранатовый сюртук и жилетка. Эта жилетка была бархатная, в красных мушках по темно-зеленому фону, а возле красных мушек блестели светло-желтые пятнышки по соседству с темно-синими глазками. В общем жилетка казалась шкуркой лягушки» [8]) вообще вызывала зооморфные ассоциации.

После 1840 года «мода» в письмах отступает на второй план. Возможно, это связано с заботами об издании «Мертвых душ», нехваткой денег на бытовые нужды, а также с состоянием здоровья и с религиозными настроениями. Его образ жизни становился всё более аскетическим: «О комфортах не думаю, жизнь наша – трактир и временная станция: это уже давно сказано» [3, Т. 13, с. 63].

Как лейтмотив его писем к матери в 1843 г. – стремление оградить сестер от светских увлечений (в том числе и нарядами) и ненужной роскоши. Хотя при этом он не без удовольствия замечает перемены в молодых женщинах: «Я заметил в ней перемену, она похорошела, вышла ко мне завитая и, кажется, будет со временем, хоча и не кокетка, но модница и щеголиха» [3, Т. 12, с. 204].

«Мода» замещается в сознании писателя другими понятиями, существующими в нравственной плоскости. Так, в письме к С.М. Соллогуб Гоголь говорит о необходимости выглядеть «опрятно» в любой ситуации: «...чтобы каждый из вас... зашел бы прежде в свою уборную и заглянул бы в зеркало, чтобы поправить на себе всё во внешнем и во внутреннем или душевном смысле, чтобы никак не явиться друг пред другом неряхами в том и другом отношении» [3, Т. 12, с. 348]. «Неряха» для него – тот, у кого хаос внутренний выплескивается вовне.

Для самого писателя важен акт явления перед читателем [см.: 12]. Так, в письме к Щепкину, с просьбой о постановке пьес, он не без явного удовольствия говорит о своей известности: «Понимаете ли вы это, понимаете ли вы, что имя мое в моде, что я сделался теперь модным человеком...» [3, Т. 12, с. 461]. А Шевыреву жалуется на появление его портрета в журнале: «Там я изображен, как был в своей берлоге назад тому несколько лет. Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами? Разве ты сам не знаешь, какое всему этому дают значение? Но не для себя мне прискорбно, что выставили меня забулдыгой» [3, Т. 12, с. 393]. «Модное» замещается «опрятным», это очевидно в рассуждениях о путешествии: «Как я рад, что отъезд мой на Восток немного отодвинулся: для этого путешествия нужно хоть сколько-нибудь лучше приготовиться, не говоря уже о том, чтобы и самому несколько поопрятней принарядиться» [3, Т. 13, с. 255].

Анализ писем показывает, что для Гоголя костюм – «вторичная телесность», отсюда метафорика одежды: напр., «карман отошал», и «нет возможности поправить». Следствие урезания бюджета – «съезживание», телесное умаление: «С своей стороны я употреблю всё, чтобы ограничиться и съезжиться более...» [3, Т. 12, с. 225]. В письме к А.С. Данилевскому из Рима Гоголь, используя свой обычный прием отделения вещи от человека в импровизированном сюжете, вуалирует свое желание покрасоваться в новом костюме: «Белая шляпа уже давно носится на голове моей... но блуза еще не надевалась. Прошное воскресенье ей хотелось очень немного порисоваться на моих широких и вместе тщедушных плечах, по случаю предположенной было поездки в Тиволи; но эта поездка не состоялась» [3, Т. 11, с. 147]. «Шляпа» – атрибут гоголевского костюма в воспоминаниях современников: «Ходил он вечно в одном и том же черном сюртуке и шароварах... На голове... носил он большей частью шляпу, летом – серую, с большими полями» [12, с. 22].

Гоголю близок европейский подход к одежде. Так, в письме к А.П. Толстому Гоголь сообщает: «Рассказы об аглицком китаистве преувеличены: оно есть, но не на улице, где даже и некогда никому замечать, кто как одет, всякий спешит и слишком занят своим...» [3, Т. 12, с. 344]. И он ироничен в отношении к «щеголеватости», приобретающей идеологический оттенок: «Из Москвы я имею только известие..., что **Петр Васильевич** сшил себе кафтан стрельца по рисункам, которым очень доволен и ходит в нем везде» [3, Т. 12, с. 541]. «Русский наряд» как приверженность к исконному русскому – здесь проявление крайностей славянофилов. Укоряя Аксакова («Ко мне дошли слухи, что вы слишком привязались к некоторым внешностям, как-то: носите бороду, русский кафтан и проч...» [3, Т. 12, с. 540]), он подчеркивает несвоевременность подобного проявления «национального» чувства: «Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фракку и чувствую, что скоро мы все начнем носить наш наряд; но знаю, что до времени от многого следует воздержаться и наложить на себя самого запрет»

[3, Т. 12, с. 540], опираясь в своем увещевании на христианские заповеди: «А потому я вас прошу убедительно и сильно, как только может просить вас больной человек, у которого уже немного сил, исполнить мою просьбу: не быть отличну от других своим нарядом и не отделять себя от общества, с которым вы должны быть еще связаны, и подумать слишком о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение» [3, Т. 12, с. 540].

Вопросы духовности, нравственности и воспитания всё больше занимают Гоголя в этот период жизни, в письмах к сестрам он дает указания относительно распоряжения денежными средствами, учит их экономности («И не тогда, когда деньги в большом количестве лежат в сундуке, но тогда, когда они быстро бегут и расплываются, приходят и вдруг уходят» [3, Т. 12, с. 548]), и тут же замечает: «Знайте же (это я вам говорю, как чистую правду), что, напротив, давнего времени у меня живет мысль, что вы уже чересчур отказываете себе в том, что вам именно *необходимо* и именно *нужно*» [3, Т. 12, с. 550].

В письме к Смирновой он также дает наставления, касающиеся «модного» образа жизни в столице: «Вы – первое лицо в городе, с вас будут перенимать всё до последней безделушки, благодаря обезьянству моды и нашему всеобщему русскому обезьянству даже в платье. Не пропускайте ни одного бала, приезжайте именно с тем, чтобы показаться на нем в одном и том же платье; три, четыре, пять раз сряду надевайте то же платье; хвалите на всех только то, что просто и не стоит больших денег. Словом, гоните, повторяю вам, эту скверную роскошь, эту страшную язву России, причину взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть» [3, Т. 14, с.68]. В «простоте» он видит возможность исправления «кривизны» общества.

Гоголь, не позволяя себе обратиться к портному или купить какую-то модную вещь, с особой благодарностью отзывается о подарках, как, например, в письме к Н.Н. Шереметьевой: «Благодарю вас, Надежда Николаевна, за ваше рукописание, которое всегда приятно душе моей, и за ваш шнурок, который вы послали с [Валуевым](#). Он будет у меня храниться и сбережен в целости. Носить его не буду, потому что ношу прежний, который вы сами лично мне дали. Он хотя и *заносился*, но не *износился* и, вероятно, будет носиться долго, пока не изорвется вовсе...» [3, Т. 12, с. 215]. Всевозможные шнурки (бисерные и шелковые, сплетенные из волос), а также черные или цветные ленточки, цепочки, на которых носили часы, как запонки и пуговицы, золотые пряжки на кюлотах, незавязывающийся галстук, скрепленный драгоценными булавами, которыми в начале века закалывали рубашку (для вечернего фрака), – все это основные украшения мужского костюма первой половины XIX века.

Подарки остаются одним из любимых занятий Гоголя, притом они всегда имеют модный оттенок и желание угодить, так в письме к Данилевскому: «Посылаю тебе булавку, 4 куса казанского мыла и конфет с желаньем, чтобы всё пришлось по вкусу» [3, Т. 14, с. 85] и в письме к матери: «Посылаю

сестрам, Анне и Елизавете, шнуровки и по платью, Ольге 10 руб. денег в особом письме. Кольцо Лизы исправлено и отправляется тоже по почте золотых дел мастером» [3, Т. 14, с. 99].

В описи имущества, оставшегося после смерти Гоголя в его доме Толстого, всё платье (всего было несколько костюмов) обветшало. И все имущество было оценено в 43 рубля самим Гоголем [6; 7].

Список литературы:

1. Аксаков, С.Т. История моего знакомства с Гоголем / С.Т. Аксаков // Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 87–209. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0100.shtml. – Заглавие с экрана.
2. Арнольди, Л.И. Мое знакомство с Гоголем / Л.И. Арнольди // Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 472–499. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/gvs/gvs-472-.htm>. – Заглавие с экрана.
3. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 11. Письма, 1836–1841 / Н.В. Гоголь. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 484 с.; Т. 12. Письма, 1842–1845. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 720 с.; Т. 13. Письма, 1846–1847 / Н.В. Гоголь. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 564 с.; Т. 14. Письма, 1848–1852 / Н.В. Гоголь. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 487 с.
4. Давыденко, Л.А. Костюм в художественном мире Н.В. Гоголя (повествовательные циклы, письма): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Давыденко. – Саратов: Саратовский ун-т, 2008. – 22 с.
5. Дурылин, С.Н. «Дело» об имуществе Гоголя / С.Н. Дурылин // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – (Лит. архив). [Т.] 1. – С. 359-374. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/mi0/mi1/mi12359-.htm>. – Заглавие с экрана.
6. Каргаполова, Н. Сюртук, перо, письмо, баночка варенья – личные вещи писателя Николая Гоголя и истории, с ними связанные / Н. Каргаполова // Эхо Москвы. Музейные палаты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/museum/540948-echo>. – Заглавие с экрана.
7. Лесков, Н.С. Нескладица о Гоголе и Костомарове / Н.С. Лесков. // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М.: „1958.Т. XI. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb2.booksgid.com/content/80/nikolay-leskov-stati/242.html>. – Заглавие с экрана.
8. Мережковский, Д.С. Гоголь и черт / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 213-309 с.
9. Мужская мода XIX века – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/arin_levindor/post109083329. – Заглавие с экрана.

10. Смирнова-Россет, А.О. Из «Воспоминаний о Гоголе» / А.О. Смирнова // Гоголь в воспоминаниях современников. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. – С. 464–472. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/96399/69/Vospominaniya_sovremennikov_o_N._V._Gogole.html. – Заглавие с экрана.
11. Строганова, Е.Н. «Бородавка на носу» у Гоголя: «библиографические» заметки / Е.Н. Строганова // Культура и текст. – СПб.; Самара; Барнаул, 1996. Литературоведение. Часть.1. – С. 110-113.
12. Фокин, П.Е. Гоголь без глянца / П.Е. Фокин. – СПб.: Амфора, 2008. – 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-pavel-fokin/92475-gogol-bez-glyanca-pavel-fokin.html>. – Заглавие с экрана.
13. Шкроба, Д. Из красной свитки – в шинель. Одежда в раннем творчестве Н.В. Гоголя / Д. Шкроба // Литература. Первое сентября. – 2010. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=201000713>. – Заглавие с экрана.

С. В. Бочкарева

Россия, Барнаул, АлтГПУ

Научный руководитель к. ф. н., доцент кафедры литературы Т. А. Богумил

«ОРЕЛ» МАТВЕЙ ГАГАРИН В ПОЭМЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «СИБИРЬ»

Сибирь неоднократно становилась предметом художественного высказывания М.И. Цветаевой. Исследованию этой проблематики посвящены статьи А.А. Медведева [3; 4]. Образ Сибири в поэзии М.И. Цветаевой раскрывается в русле традиционных представлений о биполярности пространства: как ад и как рай.

Тема каторжничества поднимается в стихотворениях «Без Бога, без хлеба, без крова...» (1917), «На што мне облака и степи» (1921). В первом произведении Сибирь парадоксально становится пространством дома для каторжника: «...В Сибирь – молодую жену.// ...Домой – молодую жену» [5, т. 1, с. 371]. Христианским смирением исполнено стихотворение «На што мне облака и степи»: «Я раб свои взлюбивший цепи,/ Благословляющий Сибирь...// Поклон, мои дела мирские!// Не встанет любоваться рожью покойник, / Возлюбивший гроб» [5, т. 2, с. 19]. Сибирь рисуется как место смерти – «гроб». Но это символ не погребения, а инициации, перерождения.

Образ гроба как символа «цветаевской» Сибири повторно возникает в поэме «Сибирь» (1931): «Тобольск, дощатый гроб!». Прошлое Сибири предстает как идиллический пейзаж, где люди, животные и природа живут в единении и гармонии. История Тобольска видится Цветаевой как освоение центральной властью «казацкой, татарской» Сибири. По ходу сюжета поэмы изначально девственное, идеальное, райское пространство трансформируется в